

САКРАЛЬНАЯ УТВАРЬ В ТРАДИЦИЙ ПРАЗДНОВАНИЯ ЫСЫАХА

Серикбаева А.

Научный руководитель: ст. преподаватель Т.В. Кошман
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
soberanoaria@gmail.com
г. Астана

Актуальность исследования обусловлена комплексом факторов: возрастающим интересом к традиционной обрядности народов России в контексте поиска национальной идентичности, необходимостью глубокого осмысления роли материальной культуры как кода этнического мировоззрения, а также активным процессом ревитализации Ысыаха как живого культурного феномена. Ысыах, будучи ключевым мировоззренческим праздником якутов, представляет собой целостную синкретическую систему, где каждый атрибут, особенно ритуальная посуда, наделяется глубоким многогранным символическим смыслом. Изучение сакральной утвари, в частности чорона, позволяет раскрыть архаичные пласты духовной культуры народа саха, проследить этнокультурные связи и механизмы адаптации традиции в меняющихся социально-политических условиях.

Цель исследования - провести многоаспектную характеристику сакральной утвари праздника Ысыах, выявив ее функциональное, семиотическое и социокультурное значение, с концентрацией на ритуальных сосудах для кумыса, их происхождении, типологии, символическом наполнении и исторической трансформации от архаики до современности.

Исследование охватывает философскую сущность праздника, детализирует обряд кумысопития как ядро ритуальной практики, дает развернутую классификацию и описание утвари. Центральное место уделяется детальному рассмотрению генезиса, семантики и эволюции главного ритуального сосуда - чорона, прослеживается его устойчивость в советский период, анализируется типология чаш-кубков, а также исследуются процессы восстановления и трансформации праздничной практики в современном мире.

Праздник Ысыах, вершинное событие в традиционном календаре народа саха, представляет собой далеко не просто красочную встречу лета, а сложный философско-обрядовый комплекс, направленный на магическое обновление природы и человека, сакральное восстановление миропорядка и укрепление невидимой связи коллектива с божествами-покровителями Айыы. Его глубинная сущность заключается в символическом воспроизведении акта творения, гармонизации всех трех уровней мироздания (Верхнего, Среднего и Нижнего) и обеспечении благополучия, плодородия и процветания на предстоящий годовой цикл. Как точно отмечает Е.Н. Романова, «Ысыах - это символ якутской культуры, своеобразная миниатюра традиционной картины мира народа саха» [1, с. 248]. Этимология самого названия праздника, происходящего от слова «ыс» («кропить», «обрызгивать»), прямо указывает на его ритуально-жертвенную природу.

Центральным ритуалом, стержнем, вокруг которого выстраивается все драматургическое действие, является обряд кумысопития. Этот акт обладает глубоко сакральным характером: кумыс (кымыс), будучи напитком из кобыльего молока, осмысливается как эликсир жизни, священный дар небесных божеств, зримое воплощение изобилия, благодати и жизненной силы. Ритуал кропления кумысом (кымыс ыһыы) и последующего кругового распития (айах тутуу) представляет собой, с одной стороны, жертвоприношение высшим силам, а с другой - акт сакрального единения народа, подтверждения общности перед лицом богов. Г.В. Ксенофонтов писал, что «одним из чрезвычайно важных правил якутского ысыаха является предписание поста на кумыс. С момента отела кобылиц употреблять в пищу их молоко строго воспрещалось вплоть до совершения священного обряда «держания чаши» богам и духам в день ысыаха» [2, с. 40]. Зафиксированы свидетельства, что первый священный кумыс, приготовленный после такого поста, предназначался исключительно божествам, и никто из людей не мог вкусить его раньше них, дабы не совершить грех (аныыы) [3, л. 32].

Для совершения этого высокого ритуала используется специальный, строго регламентированный комплекс сакральной утвари, которая табуирована и кардинально отличается от повседневной посуды, хранясь для особых случаев. К этому комплексу относятся: *кымыс иһит* (сосуды для хранения и брожения кумыса, часто деревянные кадки или кожаные мехи); *көбүөр* (специальный сосуд, нередко округлой формы, для заквашивания и длительного хранения кумыса); *ымыйа* (деревянный сосуд цилиндрической формы с плоским дном, используемый в качестве промежуточной посуды для разлива кумыса по чоронам); *балхах* (небольшой низкий чорон на трех ножках, часто используемый в семейных и камерных обрядах, например, при угощении

жениха); и, наконец, венчает этот ритуальный ряд сам *чорон* (чороон) - парадный, богато орнаментированный кубок для питья кумыса, являющийся главным материальным и духовным атрибутом Ысыаха. Важно отметить, что такие атрибуты, как ритуальный коврик из лошадиной кожи (*саахыматтаах аас сылгы тириштэ*), на который устанавливали посуду во время обряда первого кумысопития, также подчеркивали сакральность пространства и были исключены из повседневного обихода [3, л. 33].

Ритуальность чорона многогранна и пронизывает все уровни празднества. Он выступает не просто как функциональная емкость, а как сакральный объект, медиатор между миром людей (Орто дойду) и миром божеств Айыы (Үөһээ дойду). Его форма, материал и орнамент глубоко символичны. Во-первых, вознесение полного чорона к небу во время исполнения алгыса (благословения) - это акт жертвоприношения и визуализация установления связи с верхним миром, своеобразный «мост», по которому жертва восходит к божествам. Во-вторых, круговая передача чорона среди участников праздника символизирует единство, братство, взаимопомощь и равноправие перед лицом высших сил, создавая и укрепляя «социальное тело» общины или даже всего народа. В-третьих, сам сосуд семиотически интерпретируется как модель мироздания.

По мнению исследователей, три его основные части - ножка-поддон (атаба), символизирующая Нижний мир, тулово (өттүгэ), олицетворяющее Средний мир людей, и устье (айаба), направленное к Верхнему миру, - являются архитектурным воплощением трехслойной структуры универсума [4, с. 42]. Орнаментальные пояса, часто наносимые в сакральном количестве три, семь или девять, подчеркивают эту структурированность и гармонию космоса.

Таким образом, чорон в момент ритуала становится физическим воплощением «мирового древа» (Аал Луук Мас), соединяющего все уровни вселенной. Лингвистический анализ слова «чорон» (чороон) указывает на его происхождение от глагола «чорой» - «вытягиваться, высовываться», что подчеркивает его вертикальную, устремленную ввысь форму, ассоциирующуюся со стройностью, статностью и величию [5, с. 3].

Дискуссионным и плодотворным в научной среде остается вопрос о происхождении чорона. Классическую гипотезу сформулировал А.П. Окладников, предположивший, что чорон является «результатом своеобразного скрещения местных форм круглодонных сосудов, покрытых зональным орнаментом из выпуклых валиков, и заимствованной формы скифского котла с его высоким коническим поддоном» [6, с. 290]. Эта точка зрения долгое время была доминирующей.

И.А. Потапов развил эту идею, допуская параллельное влияние древнейшей деревянной и берестяной посуды якутов, таких как *ымыйа* и *ыаҕас* [7, с. 62-63]. В более поздних работах, например, у А.Н. Алексеева, акцент смещается в сторону хуннских бронзовых котлов, которые по форме венчика и характеру орнаментации (например, наличию выраженных горизонтальных поясов) видятся более близкими прототипами якутских чоронов, чем скифские [8, с. 56].

В.А. Кисель, в свою очередь, выдвинул оригинальную версию, что чороны могли быть деревянными копиями парадных металлических кубков кочевников древнетюркской и ордынской эпох, изображения которых встречаются на каменных изваяниях [9, с. 72]. Что касается чорона на трех ножках, его прототипы большинство исследователей справедливо ищут в керамических триподах (дин, ли) Китая и Центральной Азии, имеющих тысячелетнюю историю. Описание классического чорона достаточно стандартно: это деревянный, чаще всего березовый, сосуд высотой от 20 до 80 см, состоящий из устья (айаба), шейки (моонньо), плечиков (санна), тулова (өттүгэ) и ножки-поддона (атаба) или трех ножек, стилизованных под конские копыта. Поверхность богато украшена резным геометрическим орнаментом, имеющим собственные названия и семантику: *тараах ойуу* (гребенчатый узор, символ плодородия и жизненной силы), *илим хараба* (сетчатый узор, «ячейка сети», связанный с рыболовческим прошлым), *биэ эмийэ* (арочный узор, «кобылий сосок», знак изобилия и молочной пищи), *ураһа ойуу* (узор в виде якутской урасы, символ дома и защиты), *хабарба ойуу* («горловой» узор) и многие другие [5, с. 8-9; 10, с. 18].

Разнообразие ритуальных чаш-кубков было обусловлено их строгой функциональной и статусной иерархией в рамках обрядового этикета. Существовало несколько четко выделяемых разновидностей чоронов. *Тойон айах* («господская чаша») - самый большой, богато украшенный и почитаемый чорон, из которого пили почетные гости, старейшины и тойоны; его цена в XIX веке могла равняться стоимости коровы. *Аар балхах* - чорон, предназначенный исключительно для умудренных опытом старцев-мужчин, украшенный сложными орнаментами до 32 рядов, символизирующими полную чашу прожитой жизни. *Кэриэн айах* («круговая чаша») - большой сосуд для обряда кругового питья кумыса во время праздника, объединявший всех присутствующих. *Ымыы чороон* - небольшой чорон-амулет, связанный с культом деторождения, хранимый в доме как защита души будущего

ребенка. *Бэлкэй* или *чорохой* - самые маленькие чороны для индивидуального пользования [5, с. 5-7; 11, с. 18]. Эта развернутая типология наглядно отражала сложную социальную организацию, возрастную градацию и тонкий обрядовый этикет традиционного якутского общества.

В постсоветский период произошло масштабное и осознанное восстановление забытых форм празднования и смыслового наполнения Ысыаха. Праздник не просто возродился, но и вернул себе статус главного духовного события года, вокруг которого консолидируется современная якутская идентичность. Его атрибутика, и прежде всего чорон, пережила настоящий ренессанс.

Сегодня Ысыах является не только внутренним достоянием, но и визитной карточкой Республики Саха (Якутия) на международной арене, а чорон - не просто ритуальным предметом, но и популярным культурным брендом, объектом высокого декоративно-прикладного искусства, обязательным элементом национального колорита и предметом коллекционирования. Современные мастера-резчики, опираясь на музейные коллекции и архивные данные, бережно сохраняют и воспроизводят традиционные формы, технологии и орнаменты, изготавливая чороны как для сакрального использования на возрожденных обрядах, так и для презентационных, дипломатических и сувенирных целей. Ритуал айах тутуу, пройдя через горнило советской секуляризации, вновь обрел свое глубинное содержание, оставаясь стержневым событием Ысыаха, объединяя людей в едином порыве обращения к исконным ценностям, предкам и животворящим силам природы.

Несмотря на антирелигиозную политику и мощное идеологическое давление советского периода, традиция Ысыаха и, в частности, использование чорона продемонстрировали удивительную устойчивость и адаптивность. Праздник был целенаправленно трансформирован в светское, «советское» мероприятие - «национальный праздник труда», но его глубинная структура, включая обряд кумысопития, сохранилась, хотя и в секуляризованной форме. Чорон в этих условиях совершил знаковую трансформацию: из сакрального ритуального атрибута он постепенно превратился в мощный этнический символ, знак культурной идентичности народа саха. Его изображение стало активно использоваться в государственной символике, художественных произведениях, сувенирной продукции и официальной пропаганде, что способствовало его «светской канонизации» и сохранению в коллективной памяти даже в условиях идеологического давления и борьбы с «пережитками прошлого».

Многоаспектное рассмотрение генезиса чорона выявило его как продукт длительного историко-культурного синтеза, в котором переплелись автохтонные традиции палеоазиатского субстрата и инновационные импульсы, связанные с кочевыми империями (скифо-сарматы, хунну, древние тюрки). Дискуссия о его происхождении, где сталкиваются гипотезы А.П. Окладникова (скифский котел), А.Н. Алексеева (хуннский котел) и В.А. Киселя (древнетюркский парадный кубок), демонстрирует не столько взаимоисключаемость, сколько многовариантность этнокультурных контактов в процессе формирования якутского этноса. При этом символическая архитектура сосуда, репрезентирующая трехчленную модель универсума (нижний, средний и верхний миры), и его каноническая орнаментация, насыщенная кодами плодородия и изобилия, позволяют интерпретировать чорон как микромодель макрокосма, актуализируемую в ритуальном действии.

Кристаллизуя результаты проведенного исследования, можно констатировать, что сакральная утварь праздника Ысыах, в особенности ритуальные сосуды для кумыса, представляет собой сложный семиотический комплекс, интегрированный в мифоритуальную систему народа саха. Проведенный анализ позволяет утверждать, что такие артефакты, как чорон, функционируют не в качестве пассивного инструментария, но являются активными актантами в процессе символического воспроизводства картины мира и социального космоса. В контексте структурно-функционального подхода утварь Ысыаха выступает ключевым элементом в ритуалах трансформации (обновления природы) и интеграции (консолидации социума), обеспечивая, по выражению В. Тэрнера, коммуникацию между сакральной и профанной сферами бытия.

Рассмотрение типологии ритуальных чаш (тойон айах, аар баллах, кэриэн айах и др.) показало их прямую корреляцию с социальной стратификацией и обрядовым этикетом, где каждый тип сосуда маркировал определенный статус и функцию в рамках праздничной коммуникации. Установлено, что в условиях советской модернизации произошла фундаментальная трансформация функций чорона: из сакрального объекта он был переведен в разряд этнического символа и культурного маркера, что, парадоксальным образом, способствовало его сохранению. В современный период наблюдается процесс ресакрализации чорона в практике возрожденного Ысыаха, где он вновь обретает свою первоначальную медиативную роль, одновременно усиливая значение в качестве бренда и объекта культурного наследия в контексте глобализации.

Список использованной литературы:

1. Романова Е.Н. Ысыах - праздник возрождения природы // Культура народов Сибири. - 1994. - С. 245-250.
2. Сураганова З.К., Романова Е.Н., Наурзбаева А.Б. Традиционные праздники тюркских народов. - Алматы, 2023. - 200 с.
3. Борисов Б.Б. Ритуал распятия первого кумыса: структура и семантика // Северо-Восточный гуманитарный вестник. - 2025. - № 2(51). - С. 81-87.
4. Петрова А.Г. Чорон. К проблеме семантико-функциональных особенностей ритуальных сосудов в традиционной культуре // Система ценностей современного общества. - 2008. - № 11. - С. 37-43.
5. Николаева А.М. Об этнографической реалии якутского народа "чорон"; // Научный журнал КубГАУ. - 2015. - №113(09). - С. 1-10.
6. Окладников А.П. История Якутской АССР. Т. 1. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. - 432 с.
7. Потапов И.А. Декоративное искусство якутов. - Якутск: Книжное изд-во, 1972. - 156 с.
8. Алексеев А.Н. О происхождении якутских чоронов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. - 2015. - № 1(10). - С. 55-61.
9. Кисель В.А. Якутский чорон: к проблеме происхождения // Этнографическое обозрение. - 2003. - № 5. - С. 70-77.
10. Васильев В.Е., Николаева А.М. Особенности орнамента чорона - ритуальной посуды якутов // Международный научно-исследовательский журнал. - 2016. - № 11 (53). - Ч. 2. - С. 18-20.
11. Васильев В.Е. Кубок чороон ымыа - символ культа плодородия: генезис и семантика ритуальных сосудов народа саха // Северо-Восточный гуманитарный вестник. - 2016. - № 3(16). - С. 17-23.
12. Алексеев А.Н. Якутский чорон // Наука и техника в Якутии. - 2020. - № 2(39). - С. 85-90.

ПОРТАТИВНАЯ ФОТОГРАММЕТРИЯ В АРХЕОЛОГИИ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «REALITYSCAN» ДЛЯ ОЦИФРОВКИ КЕРАМИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Тебаев Д.Б

Научный руководитель: PhD Candidate, Durham University,
старший преподаватель Раисова А.Д.
Карагандинский национальный исследовательский университет
имени академика Е.А.Букетова
danieltebaev4@gmail.com
г. Караганда

Фотограмметрия в археологии представляет собой метрическую технику, использующую серию перекрывающихся изображений для создания 2D и 3D цифровых моделей объектов [1, с. 150; 2, с. 319, 333-334]. В мировой практике она зарекомендовала себя как инструмент цифровой документации, позволяющий фиксировать археологические объекты с высокой точностью и эффективностью для задач реставрации, консервации и научного анализа. [3, с. 1; 4, с. 1-2]. Так, группа исследователей из г. Резе, Франция (Луара-Атлантическая) и Пенн ан Але в Ланьоне (Кот-д'Армор) провели исследования по созданию 3D-моделей керамических фрагментов, продемонстрировав ее эффективность [3, с. 2]].

В Казахстане цифровая фиксация активно используется при работе с археологическими объектами в рамках работ по сохранению историко-культурного наследия. Например, Институт Археологии имени А.Х. Маргулана применяет как лазерное сканирование, так и фотограмметрию для документирования археологических объектов [5]. Одним из наиболее многочисленных объектов при археологических раскопках является керамика, представленная цельными сосудами и отдельными фрагментами. При фиксации керамики традиционным методом выступает графическая зарисовка. В отличие от графической фиксации, ограниченной индивидуальными навыками специалиста, технологии фотограмметрии предоставляют возможность создания детализированных 3D-моделей, сохраняющие информацию не только о геометрии, но и о текстурных особенностях артефакта. Полученные модели служат вспомогательным инструментом для планирования реставрационных